

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ
(РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

•

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

•

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Материалы секций
XLV Международной филологической конференции

*14–21 марта 2016 г.,
Санкт-Петербург*

• ВВМ •
Санкт-Петербург
2015

УДК 811.161.1'373/374+811.161.1'282.2+81-139

ББК 81.2

Л46

Ответственные редакторы:

«Лексикология. Лексикография (Русско-славянский цикл)»:

д-р филол. наук, проф. **Т. С. Садова**

«Русская диалектология»:

канд. филол. наук, доц. **О. В. Васильева**

«Когнитивная лингвистика»:

канд. филол. наук, доц. **Л. Н. Донина**

Л46 **Лексикология. Лексикография: (русско-славянский цикл) /**
отв. ред. Т. С. Садова ; **Русская диалектология** / отв. ред. О. В. Васильева ; **Когнитивная лингвистика** / отв. ред. Л. Н. Донина : материалы секций XLV Международной филологической конференции, 14–21 марта 2016 г., С.-Петербург. — СПб. : ВВМ, 2016. — 100 с.

ISBN

*В сборнике опубликованы доклады, прочитанные на заседаниях секций «Лексикология. Лексикография (Русско-славянский цикл)», «История русского языка» и «Когнитивная лингвистика» XLV Международной филологической конференции, традиционно организованной и проведенной филологическим факультетом Санкт-Петербургского государственного университета.

Издание предназначено для филологов-русистов — как лингвистов (в первую очередь), так и литературоведов (интересующихся языком литературных произведений).*

ББК 81.2

ISBN

© Издательство «ВВМ», 2016

Александр Валерьевич Алексеев

Московский городской педагогический университет, г. Москва

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ В ИСТОРИИ СЛОВ *ТЬРПѢТИ* И *ТЬРПѢНИЕ*

Аннотация. В статье рассматриваются лексические значения древнерусских слов, связанных с концептом «терпение». Особое внимание уделяется символу как содержательной форме концепта.

Ключевые слова: символ, семантика, лексика, древнерусский язык.

Глагол *тьрпѣти* существовал уже в общеславянском языке и входил в широкий ряд однокоренных глаголов с различными типами основ: **torpēti* — **torpiti* — **trpŋoti* — **trpati* — **trpēti*, причем корень **torp/*trp* исходно указывал на одеревенелость, неподвижность. В древнерусском языке на фоне сохранявшейся словообразовательной связи *тьрпати* — *тьрпѣти* — *тьрпноути* (исходно различные классы) могло сохраняться архаичное символическое значение общеславянского времени, основанное на внутренней форме: *тьрпѣти* ⇒ («физически ослабевать, терять подвижность») → «не оказывать противодействия, выдерживать страдание».

В письменный период, с принятием христианства, развитие семантики глагола *тьрпѣти* происходило под влиянием греческих переводимых текстов. Наиболее употребительные греческие глаголы, на месте которых употреблялись славянские формы *тьрпѣти*, — ὑπομένω; ἀνέχω; καρτέρω; μακροθυμέω. Символический признак прежде всего выделялся при переводе μακροθυμέω. В тексте Пчелы (по данным «Национального корпуса русского языка») выявлено три подобных примера: греческий глагол переводится формами *стьрпѣти* и *дълго-тьрпѣти*. Ср.:

И в прмененіе смиренія твоего *стерпи*, яко злато ѡгне(м), члцы (ж) искоушени смиренія пламене(м)... (Пчела) [2].

Здесь представлено символическое значение, структура которого в общем виде выглядит следующим образом: *(съ)тьрпѣти* ⇒ {‘страдать, испытывать лишения’ ⇒ ‘уподобляться Господу, спасать душу’}.

Префиксальные формы от основы *тьрпѣти* могли варьироваться с бесприставочными формами и с формами *дълготърпѣти* как в переводных текстах, так и в оригинальных. Глагол *тьрпѣти* мог служить средством передачи символического значения так же, как и *сътьрпѣти*, *дълготърпѣти*. Ср.:

Съгрѣшаюштемъ намъ *тьрпѣти*, лѣпо есть намъ *тьрпѣти*, да Христа приобращемъ, любви все *тьрпѣти*, всему въру емлетъ (Сказание о Борисе и Глебе) [2].

Характерно здесь преобразование прототипического сочетания *любви дълготърпѣти* (1Кор 13: 4) → *все търпѣти*. Соответственно, *(дълго)тьрпѣние* оказывается важнейшей добродетелью русского православия — свойством первого русского святого страстотерпца Бориса.

В древнерусском языке варьировались не только глаголы *тьрпѣти* — *дълготърпѣти*, но и производные существительные *тьрпѣние* — *дълготърпѣние*. Маркёрами, определяющими символическое значение этих существительных, являются: актантная структура — христианин как субъект действия; лексический состав — религиозная лексика; словообразовательные средства — *дълго-*, *прѣ-*. Из рассмотренных по различным древнерусским источникам 130 контекстов первые два маркёра — христианин как субъект действия и религиозная лексика — присутствуют в 77% случаев. В таких позициях можно говорить о символическом значении *(дълго)тьрпѣние* ⇒ {‘пассивное (не деятельное) состояние, связанное с переживанием негативной ситуации, при котором лицо не проявляет активного недовольства, ожидая исправления ситуации (Божьей помощи)’ ⇒ ‘нравственное совершенство, духовное приближение (восхождение) к Господу, спасение души’}.

Среди греческих источников в наибольшей степени статусом прототипического текста для выражения подобного значения обладает фрагмент из Евангелия от Луки. Ср. Лук 21: 17–19 по Остромирову Евангелию:

въ *тьрпѣнии* вашемъ сътажите д(оу)ша ваша (ОЕ. 225) [2].

Аналогичное употребление встречается в других древнерусских памятниках: Пчеле; Киево-Печерском Патерике, Сказании о Борисе

и Глебе по Успенскому сборнику. Ср. то же символическое значение *търпѣние* ⇒ {‘страдания’ ⇒ ‘спасение души как результат’} в ином контексте:

Подвизайтесь, трудници, да приемѣте вѣнецъ *търпѣнія* вашего (Почение Феодосия) [2].

В греческих источниках на месте славянских *търпѣние* и *дълготърпение* употребляются существительные *μακροθυμία* и *ὕπομονή*. Первое из этих слов имело, вслед за глаголом *μακροθυμέω*, особую новозаветную семантику: {‘Господь медлит наказывать грешников’ ⇒ ‘праведник, уподобляясь Господу, не гневается на грешников’}. Второе греческое существительное, *ὕπομονή*, обозначало ‘переживание тягот’ и переводилось обычно славянским словом *търпѣние*. Ср. совместное употребление *μακροθυμία* и *ὕπομονή* в 2Тим 3: 10: τῆ μακροθυμία, τῆ ἀγάπῃ, τῆ ὑπομονῇ, славянский перевод в Геннадиевой Библии: *долготърпѣнію. любви. терпѣнію*. Можно сделать вывод, что в греческом языке Нового Завета происходило четкое разграничение значений слов *ὕπομονή* и *μακροθυμία*: состояние *ὕπομονή* — это претерпение именно физических страданий и напастей, в то время как *μακροθυμία* — это моральное претерпевание, социальное неудобство. В древнерусском языке указанные концепты не разграничивались; это подтверждается тем, что существительные *дълготърпѣние* (первоначально на месте *μακροθυμία*) и *търпѣние* (чаще на месте *ὕπομονή*) вели себя как варианты при переводе идентичных греческих конструкций и в разных списках одного древнерусского памятника.

Менее употребительная древнерусская форма *дълготърпѣние* заменялась более употребительным словом *търпѣние*. При аттракции двух существительных слово *търпѣние* приобретало символические свойства, исходно присущие форме *дълготърпѣние*. Таким образом, в древнерусской культуре как физические неудобства, тяготы, мучения, так и страдания, вызванные греховным поведением других людей, должны были восприниматься кротко и со стойкостью; тем самым человек уподоблялся Господу и приближался к спасению души.

Рассмотрев семантическое развитие слова *търпѣние* от внутренней формы до актуальных в древнерусской письменности лексических значений, мы можем утверждать, что описали общую схему древнерусского концепта *търпѣние*, поскольку «концепт есть исходная точка семантического наполнения словесного знака <...> и одновременно —

конечный предел развития» [1, с. 63]. Содержательными формами концепта (образом, понятием, символом) определялась семантическая структура лексемы *търпѣние*, у которой должны быть выделены четыре значения. 1. ‘Стойкое переживание тягот, физического страдания, напастей’ (понятие). 2. ‘Милостивое отношение Бога к грешникам’ (понятие). 3. ‘Духовно-нравственное качество человека: безропотное переживание физических и социальных тягот, неудобств, уподобляющее человека Господу и необходимое для спасения души’ (символ). 4. ‘Стойкость в какой-либо деятельности’ (образ).

В Сказании о Борисе и Глебе, созданном в период от середины до конца XI в., слово *търпѣние* употреблено один раз в составе цитаты из Лук 21: 17–19 (см. выше). Однако уже в Житии Авраамия первой половины XIII в. существительное *търпѣние* употреблено неоднократно, оно оказывается ключевым словом, входит в ряд важнейших терминов, связанных с духовной жизнью, спасением души:

Иже ни по малу быхъ послѣдуя житию, терпѣнию, смиренню, любви и молитвѣ и всѣхъ его благыхъ нравовъ (Жит. Авр.) [2].

Более того, концепт *търпѣние* фактически моделирует содержание всего произведения: существительное входит в состав заголовка, становится номинацией жанра:

Житие и терпѣние преподобнаго отца нашего Аврамья (Жит. Авр.) [2].

Мы можем высказать осторожное предположение, что древнерусский концепт *търпѣние* был сформирован в течение XII в., в период от конца XI до начала XIII в. Этот концепт стал результатом осмысленного творчества русских книжников, опиравшихся на славяно-греческую письменную традицию (тексты Евангелия, Апостола, Минеи), но стремящихся найти собственное выражение боговдохновенных смыслов, явить максимально полные и яркие символы, связывающие земную жизнь и духовную реальность.

Литература

1. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб. : Юна, 2002.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 25.03.2016).

О НЕЙТРАЛЬНОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКЕ С ПОЗИЦИЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Аннотация. В статье на основе теории В. В. Колесова о сущности концепта решается вопрос о критериях выделения функционально-стилистически окрашенной и нейтральной лексики русского языка. Процесс становления нейтрального слова рассмотрен на примере концепта «бег».

Ключевые слова: концептология, функциональная стилистика, нейтральная лексика, функционально-стилистически окрашенная лексика.

Теория функциональной стилистики разделяет все лексические средства русского литературного языка на два класса: функционально-стилистически окрашенная лексика и нейтральная лексика. К первой относят слова, «наиболее или исключительно употребительные в той или иной речевой сфере, соответствующей одному из функциональных стилей» [2, с. 224]. «Нейтральной в этом отношении оказывается лексика, которая, будучи употребляема во всех сферах общения и жанрах, не привносит в них стилистических оттенков и не обладает эмоционально-экспрессивной окрашенностью»; после этого эмпирического наблюдения, выступающего в роли дефиниции, как и в других работах: словарях, учебниках, монографиях, — следует некоторый перечень слов: *дом, стол, отец, мать, гора...* [2, с. 236]. Названные диагностирующие признаки отнесения слов к той или иной категории не выявляют сущностной природы такого распределения лексики; причины и механизмы формирования или отсутствия функциональной окрашенности даже не обсуждаются.

Исходя из того, что «Слово как словесный знак есть тело содержательных форм — образа, символа и понятия, — которые лишь совместно представляют национальный *концепт...*» [3, с. 155], попытаемся соотнести формы воплощения концепта и выделяемые в современном русском языке функциональные стили. Представляется, что реализации концепта в индивидуальном образе ярче всего представлены в разговорном стиле, а также в публицистическом; понятия бо-

лее характерны для научного и официально-делового; национальный культурный символ полнее воссоздается в религиозном стиле и языке художественной литературы. Здесь и проявится объясняющая сила (explanatory power) концептологии по отношению к интересующему нас явлению функционально-стилистического расслоения русской лексики: во всех стилях может употребляться только слово, представленное всеми содержательными формами концепта: воплощенное **и** в образе, **и** в понятии, **и** в символе. На такую полную реализацию требуется немало времени и интеллектуальных усилий — видимо, поэтому список слов (называемых в стилистике «нейтральными») обычно состоит из старых (чаще всего общеславянских) слов с небольшим количеством морфем в составе.

Если какая-либо из трех форм реализации концепта по определенным причинам не явлена, употребление слова в соответствующих функциональных стилях имеет ограничения; например, при реализации только в форме понятия (*гипероним*), как правило, слово не выходит за пределы научного и официально-делового стилей. Термин «функционально-стилистически окрашенная лексика» целесообразно использовать именно для обозначения слов, представленных в форме **или** образа, **или** понятия, **или** символа.

Рассмотрим процесс становления «нейтрального» слова на примере слова *бег*.

Образное представление о «беге» у каждого из нас своё (*мой бег по утрам за троллейбусом*), но в его основе — скорость перемещения (*быстрый бег*) и активность действия, вплоть до своевольности, особенно ярко выраженной в производных (*свадьба бегом* [7, с. 171]). В «Национальном корпусе русского языка» (далее — НКРЯ), кроме подобных употреблений (*панический бег из палатки*), многообразно отражены образы, «вернувшиеся» из спортивно-медицинской терминологии (*мода на бег*) [6].

Символ «бег» формировался, по-видимому, в книжном языке. Так, в «Летописце Еллинском и Римском» второй редакции, русском хронографе XV в., слово *бѣгъ* употреблено 9 раз, и все случаи в похожих формулах: *бѣгъ* в форме винительного падежа с предлогом *на* при глаголе движения, который варьируется, но чаще — *на бѣгъ устремишася*:

Вои же мнѣша царя бѣжаща, на бѣгъ устремишася, никимиже гоними [4, т. 1, с. 414].

У царя разболелись ноги, и он уплыл в *мовницу* (в другом списке *в баню*), а войску показалось, что он «бежал». Греческие *вои* — *в лодяхъ многих*, а не только *пѣици*, и уже одно это свидетельствует о том, что употреблен не иконический знак: он не замещает объект, указывая на быстрое движение ног, но в нем есть некое подобие — то, как бежит субъект (образ), и то, как воины отступают (спешно спасаются в лодях). В большей же части контекстов речь идет о коннице (применение слова *бег* в отношении коней и кораблей ярко отражено и в «Словаре русских народных говоров» [7]):

Уже не можашея противитися противу множеству супостатных, обрати коневи узду и *на бѣгъ* гнаше [5, с. 493].

Устремитися на бѣгъ могут не только воины и даже не только люди, если описывается брань духовная:

Егда же Федосии, истовии на помощь благовѣриа уповая, уста апостольские приатъ, прѣвѣ сами бѣсѣ *на бѣгъ устремишася* [5, с. 331];

здесь о характере движения вообще нет речи; понятно, что говорится о страхе и поспешном отступлении бесов неизвестным — не обязательно благодаря быстрому движению конечностей (?) — способом ради спасения. Цитированные отрывки вошли в «Летописец» из греческой Хроники Георгия Амартола, переведенной на Руси и используемой русскими книжниками в хронографических компиляциях с середины XI в. [5, т. 2]. К этому времени символ уже известен как национальный; аналогичное употребление находим и во фрагменте из летописного текста о походе Игоря 941 г.:

Прочии же лодья обратихся *на бѣгъ* русь въсвояси, повѣдаша коиждо своим о ляднѣмъ огнѣ [5, т. 1, с. 502].

Это рассказ о поражении, отступлении с поля боя из-за боязни, которое объясняют применением врагами огнеметных приспособлений. Вообще во всех фразах со словом *бег* присутствует некое его обоснование, реальное или мнимое, необходимость которого сохраняется до настоящего времени при всех (12) видах *бега* [9]. Конечно, испугались, и страх, физический выброс адреналина заставили *на бѣгъ устремитися*, но ведь названы другие причины этого устремле-

ния: царь «бежал», или было множество *супостатных*, или *огнь* и т. д. Основанием символа *бег* является не быстрое движение ног бегущего человека, а бегство, отступление из-за трусости, которое, однако, чем-то всегда обосновано (причина действия) и оправдано (цель действия) спасением от гибели за счет быстроты перемещения в другое место (условие действия). (Слово *бѣгство* употреблено только в символическом значении, в прямой речи Господа, в известной фразе *да не будет бѣгство ваше зимѣ* [9, с. 51], ср. у В. И. Даля *бѣгствовать* с пометой *црк.* [1, с. 153].)

Так символ *бег* начинает противопоставляться таким положительным ценностям, как достоинство, терпение (ибо *стоять* — антоним к *бежать*; и *на бег устремились* означает ‘не выстояли’, ‘не вытерпели’; этим ценностям предпочли другую — жизнь). Судя по приведенным и другим контекстам, бег от чего-то опасного — более оправданное действие, чем бег за чем-то, куда-то. Еще сомнительнее целесообразность бега ни от чего и никуда, ради «ускорения». *Бег по (замкнутому) кругу*, связанный с образом белки в колесе, *бег на месте* может и не привести к положительному результату; *бег* синонимически сближается со словом *суета*. Через однокоренное слово *неизбежность* происходит включение в поле концепта «судьба» (с ней в связке «работает» и ближайшее по семантике к *бегу* слово *ходьба* — *от судьбы не уйдешь*; *беда* тоже *придет, пришла*). В образном употреблении слова *бег* целью быстрого движения часто является необходимость куда-то успеть, но тут уж — как *по-везет*, а *езда* — еще одна близкая к *бегу* форма движения, при которой удастся уменьшить физические усилия, а в случае символического употребления — уменьшить и степень ответственности (проявляется связь с концептом *счастье*, которое, как известно, *не лошадь — прямо не везет*).

Наряду с употребляемым с середины XVIII в. выражением *бег времени* [4], в НКРЯ встречаются сочетания *бег мыслей, истории, жизни, событий, памяти, нот* и пр.; *бѣги небесные* XVII в. продолжает *бег планетный, барьерный* и др. [6].

Бег как **понятие** организуется самым последним по времени на основе образа. Признаком, отличающим бег от похожих способов движения, признается момент «полета» — ни одна из конечностей не касается поверхности (на соревнованиях по спортивной ходьбе именно за это дисквалифицируют). На его базе образуются составные термины (*аэробный бег*); а с учетом «спортивного» бытования понятия по-

являются новые образы и символы (*бег с препятствиями, бег за здоровьем*):

Зачем создавать препятствия искусственно? Какой-то *бег с барьерами* [6].

Похожие процессы происходят и с родственными словами; одно из актуальных — *беженец* — со времени первых текстовых и словарных фиксаций (1891 г.) [8] стало юридическим термином. Обогащенное этим терминологическим значением ('вынужденный переселенец' со многими дифференцирующими признаками, а не просто 'спасшийся бегством' на базе символического значения, ср.: в это же время (1895 г.) фиксируется сибирское [7] образное значение 'беглый каторжник'), слово вернулось в публицистику и бытовую речь. Подобного рода взаимные перетекания признаков образа, понятия, символа в одной материальной форме «нейтрального» слова возможны благодаря тому, что каждой из содержательных форм представлен единый абсолютный концепт.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. Т. 1. СПб. ; М., 1880.
2. *Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.* Стилистика русского языка. М. : Флинта ; Наука, 2012.
3. *Колесов В. В.* Концептология. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2012.
4. *Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А.* Словарь русской ментальности : в 2 т. СПб. : Златоуст, 2014.
5. *Летописец Еллинский и Римский.* Т. 1 : Текст / осн. список подг. О. В. Твороговым, С. А. Давыдовой. СПб. : Дм. Буланин, 1999 ; Т. 2 : Комментарий и исследование / О. В. Творогов. 2001.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 25.03.2016).
7. Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М. ; Л. : Наука, 1966.
8. Словарь русского языка / сост. II Отделением Имп. Академии наук. 5-е изд. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1891.
9. *Червинский П.* Формы и виды бега русской ментальной действительности : Семантика узуальных мотивов и обстоятельств. Тернополь : Крок, 2014.

Марина Васильевна Пименова

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
г. Владимир

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ*

Аннотация. В статье рассматривается историческая последовательность смены концептуальных форм русской ментальности в связи с развитием семантического синкретизма как явления формально-содержательной языковой асимметрии. Предлагается выделять особую лексико-семантическую категорию — синкретсемию, выражающую данный вид языковой асимметричности.

Ключевые слова: концептуальные формы ментальности, русская ментальность, семантический синкретизм, синкретсемиа, асимметрия.

Следует отметить, что при изучении особенностей архаичного мировосприятия ученые различных отраслей гуманитарного знания (философы, культурологи, историки, социологи, психологи, этнографы, филологи) указывают на нерасчлененность (*синкретизм*, от греч. συνκρητισμός — ‘соединение, объединение, связывание’) чувственного созерцания и логической деятельности мышления человека (А. Н. Веселовский, А. Я. Гуревич, Л. П. Карсавин, В. В. Колесов, Л. Леви-Брюль, Б. А. Ларин, Д. С. Лихачев, А. Ф. Лосев, А. А. Потемня, И. П. Смирнов и др.), что на языковом уровне проявляется в наличии семантического синкретизма [8, с. 34–63].

Семантический синкретизм — это ингерентное свойство языка, лингвистическое явление формально-содержательной языковой асимметрии означающих и означаемых, впервые описанное С. О. Карцевским в 1929 г. [3] (см. также работы В. Скалички, Ш. Балли, Н. Д. Арутюновой, Г. П. Мельникова, В. Г. Гака и др.). Термин *синкретизм*, как правило, используется в двух значениях: 1) ‘смешение/слияние первоначально независимых друг от друга явлений/разнородных элементов’; 2) ‘исконная нерасчлененность, характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления’. Второе значение не фиксируется в лин-

© Пименова М. В., 2016

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Оценка и концептуальные формы русской ментальности в диахронии» № 16-34-00020 а1.

гвистических словарях, хотя термин *семантический синкретизм* последовательно используется в работах историков языка ленинградской/санкт-петербургской школы (Б. А. Ларин, В. В. Колесов, О. А. Черепанова, С. А. Аверина и др.)

От «смежных» явлений формально-содержательной языковой асимметрии семантический синкретизм отличается невозможностью «разрешения». На наш взгляд, «неразрешимый» синкретизм — это особая лексико-семантическая категория, которую мы в своих работах [8; 9] предлагаем называть термином *синкретсемия* (в одном ряду с терминами *моносемия*, *полисемия*, *дисемия*, *эврисемия*, *энантиосемия*), различая, во-первых, «содержательную» синкретсемию (при наличии синкретичного означаемого: один знак — два и более нерасчлененных значения, связанных с двумя/более сигнификатами и/или денотатами), во-вторых, «формальную» синкретсемию (при наличии синкретичного означающего: два и более нерасчленённых знака — одно значение) [8].

В связи с наличием семантического синкретизма модель развития лексического значения может быть представлена, на наш взгляд, как движение по спирали: **синкретизм — расчленение синкретизма — возникновение синкретизма на новом уровне развития языка**, а не по прямой линии — от прямого значения к переносному, от конкретного к абстрактному, от дескриптивного/нейтрального к оценочному, как это представлено во многих лингвистических работах (Г. Н. Лукина, М. Ф. Мурьянов, Г. А. Николаев, З. М. Петрова, М. И. Черемисина, Т. А. Чернякова, А. Н. Шрамм и др.).

В древнейший период спираль-пружина сжата до плоского состояния в этимоне, слове-синкрете [4], «дописьменном» концепте (Ю. С. Степанов) — это **сигнификативная синкретсемия**, что подтверждается теорией и практикой «множественной этимологии» [7, с. 6], а также многообразием ассоциативных символических связей. Например, индоевропейское отглагольное имя **krasa* этимологи возводят одновременно к **kr̥siti* ('оживлять, освежать; воскрешать') и **kresati* ('высекать искру, создавать огонь') [13, с. 95–97], праславянское **světъ* — к индоевропейским **k'uei-* (*свѣтъ*), **květъ*, **kvisti* (*цвѣтъ*, *цвисти*), **k'uep-to* (**svet-*; *свят-*) [12, с. 145–146]; *krasa* символизирует положительные признаки, связанные с природной таксономией дискретных объектов: жизнь, ее возобновление и поддержание — огонь, красота, молодость, цветение, весна, веселье, свежесть,

свѣтъ — ‘цветение жизни’: красота, любовь, веселье; ‘святость’: истинность, праведность, миропорядок [10, с. 35–36].

Древнейшая концептуальная форма русской ментальности — **ментализация** (XI–XIV/XV вв.) — отличается, как отмечает В. В. Колесов, преимущественной разработкой объема понятия — метонимией, «раздвоением смысла и удвоением форм», а также эквиполентными (равнозначными) оппозициями типа *правый* — *левый*, *чет* — *нечет*, *свет* — *тьма*, *белый* — *черный/красный* — *черный*, *мужской* — *женский* [5, с. 405].

«Раздвоение смысла и удвоение форм» проявляется в трансформации сигнификативного синкретизма слова-этимона — в растяжении семантической «пружины» и сужении-конкретизация синкретичного значения одновременно с расширением его лексического выражения (**структурно-синтагматическая синкретсемия**), что находит выражение в основанных на метонимии минимальных единицах древнего текста, которые мы предлагаем называть термином **синкретемы** (корень *синкрет-*). Например: парные именованья — *радость и веселье, по образу и подобию, плач и рыдание, солнце и луна, хлеб да соль, стыд и срам, путь-дорога* [1]; сочетания с постоянными эпитетами — *красна девица, добрый молодец, серый волк, зелено вино*; этимологические фигуры — *трубы трубят, стрелой застрелить, мосты мостити, свѣт свѣтлыми*; описательные глагольно-именные обороты — *молитву сотворити, цѣловати крестъ, въсѣсти на конь* [8, с. 52–69].

Следующая концептуальная форма русской ментальности, как отмечает В. В. Колесов, — **идеация** (XIV/XV–XVII/XVIII вв.), при которой происходит разработка содержания понятия вследствие метафорических переносов (ассоциаций по сходству), образуются производные слова от этимона (слова-синкреты), за которыми с XVI–XVII вв. закрепляется тот или иной компонент первоначально синкретичного значения (форма расширяется/множится, содержание сужается/конкретизируется) [5, с. 405–406], т. е. происходит еще одно расчленение семантического синкретизма. Приведем примеры производных слов от слов-синкрет **krasa* и **svěť*: *краснолицьными, благокрасными, красогласование, краснорѣчие, красивъ, прѣкрасными, оукрашение, некрасными, преоукрашение, безкрасие, некрасота, красьба, украшати, преоукрашати, преоукрашено, красоватися; свѣтозрачными, свѣтлошумными, свѣтлоукрашение, освѣтляти, прѣсвѣтлыми, освѣцати, усвѣтити,*

просвѣщати, свѣтло, свѣтлость, свѣтлорѣчиви, многосвѣтлыи и т. д. (см. также: [8, с. 222–335]).

В период идеации прежние двучленные эквиополентные оппозиции преобразуются в трехчленные градуальные, например парные именованья — в триады: *радость и веселье и ликѣствованье, по образу и подобию и существу, плачь и рыданье и вопль* [1].

В стиле «плетения словес» Епифания Премудрого прежние устойчивые единицы (синкретемы) расчленяются на словоформы и «рассыпаются» по тексту, например (этимологические фигуры):

Коль *много* лѣт *мнози* философи елиньстии собирали и составлявали грамоту греческую и едва устави, *мнозѣми* труды и *многими* времена едва сложили! Пермскую же грамоту *единь* чернецъ сложилъ, *единь* составилъ, *единь* счинилъ, *единь* калогерь, *единь* мних, *един* инокъ, Стефанъ, глаголю, присно помнимый епископъ. *Единь во едино время*, а не по *многа* времена и лѣта, якоже и они. Но *единь* инокъ, *единь во единень* и *удиняся*, *единь уединень*, *единь*, *единого* Бога на помощь призывая, *единь*, *единому* Богу моляся и глаголя <...> [2].

Следующая концептуальная форма русской ментальности — это **идентификация** (XVII/XVIII–XXI вв.), объединяющая объем и содержание понятия, т. е. результаты предшествующих периодов (ментализации и идеации) [5, с. 405–406]. Градуальные оппозиции сменяются маркированными/привативными типа *добро* <+> — *зло* <->, *красивый* <+> — *безобразный* <->, *умный* <+> — *глупый* <->, *польза* <+> — *вред* <-> и т. п. Категория «содержательной» синкретсемии реализуется на новом уровне развития языка в нескольких видах: во-первых, родовых понятий — гиперонимов, которые «вбирают» в себя прежние ряды производных единиц, например: **красивый** — *красный, прѣкрасны, лѣпный, добры, бѣлы, свѣтлы, радостны, видны* и т. д. (**денотативная синкретсемия**); во-вторых, основных «ключевых» слов национальной культуры, имен концептов, например: *благо, добро, дух, душа, жалость, истина, красота, красный, крест, кручина, лихость, правда* (см.: [6]) (**сигнификативная синкретсемия**); в-третьих, переносных метафорических значений, например: *кремень* — (перен.) ‘о человеке с твердым характером’, *лиса* — (перен.) ‘хитрый, лъстивый человек’ (**денотативно-сигнификативная синкретсемия**). «Формальная», или **структурно-синтагматическая синкретсемия**, представлена как в современной фразеологии, так и в «переходных»

явлениях/коллокациях, восходящих по модели к древним синкрететам (типа *совет да любовь, трын-трава, шито-крыто, пошло-поехало, житье-бытье, купля-продажа, песни-пляски, молодо-зелено, фигли-мигли; красная книга, зачетная книжка, административный ресурс, зеленые береты, голубые каски, оранжевая революция; капают капли, гремит гром, снится сон, варится варенье; одержать победу, испытывать волнение, оказывать влияние* и под.).

В заключение следует отметить, что синкретизм — это «главный мотив языковой эволюции» [11, с. 65], отражающий смену концептуальных форм русской ментальности.

Литература

1. *Артамонова М. В.* Парные именованя в древнерусском тексте : дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2005.
2. *Епифаний.* Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшаго в Перми епископа // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН : [сайт]. URL: <http://lib.pushkinskij-dom.ru/Default.aspx?tabid=10091> (дата обращения 25.03.2016).
3. *Карцевский С. О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М. : Просвещение, 1965. С. 85–90.
4. *Колесов В. В.* Концепт культуры : образ — понятие — символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1992. Вып. 3. № 16. С. 30–40.
5. *Колесов В. В.* Философия русского слова. СПб. : ЮНА, 2002.
6. *Колесов В. В.* Словарь русской ментальности : в 2 т. СПб. : Златоуст, 2014.
7. *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индо-европейских языках : Образ мира и миры образов. М. : Владос, 1996.
8. *Пименова М. В.* *Красотою украси* : выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ ; Владимир : ВГПУ, 2007.
9. *Пименова М. В.* Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.
10. *Потебня А. А.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914.
11. *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян : Лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2003.
12. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. / Т. 2. М. : Русский язык, 1994.
13. *Этимологический словарь русского языка : Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева.* Вып. 12. М. : Наука, 1985.

Николай Константинович Полковский
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ВИДА В КОНТЕНСИВНОЙ ГРАММАТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена особенностям исследования глагольного вида (на русском материале) в зависимости от того, в каком контексте глаголы представлены. Рассматриваются основные категории контенсивной грамматики: длительность, имплицитный предел, имплицитная длительность. Категория вида исследуется с точки зрения ментальной лингвистики.

Ключевые слова: вид, контенсивная грамматика, контекст, глагол, способы действия, длительность, целостность, предел.

I

В теории вида существует несколько направлений, каждое из которых дополняет друг друга. Эта глагольная категория — одна из самых непростых для изучения, поскольку её поведение и функции определяются исключительно контекстом, условиями высказывания, в которых находится определённый глагол. Изучать вид без отрыва от намерений говорящего не имеет перспектив — это контекстуальная категория.

II

На наш взгляд, наиболее авторитетным исследователем в данной области является А. С. Бондарко, создавший учение об аспектуально-темпоральном комплексе. То есть аспектуальные и темпоральные категории у него составляют единую систему, что, на наш взгляд, наиболее верно. Ведь вид отражает реальное время, которое воспринимается говорящим, или восприятие какого-либо действия «извне; это разные способы представления временного устройства» [3, с. 27].

А. В. Бондарко использует термин «аспектуальная ситуация» — она тесно связана с коммуникативной функцией высказывания, с его общеинформативным направлением, она учитывает модальность, время, место [2, с. 391]. При её характеристике важны все элементы высказывания, которые участвуют в выражении той и или иной семантики. Другой термин — «элементы среды» [2, с. 413].

Под контенсивной грамматикой понимаются категории сознания, которые даются в познании языка. Это более конкретный термин, служащий уточнением образного понятия «скрытая грамматика», или грамматика говорящего. Подразумевается объективная реальность, познаваемая говорящим и выражаемая им в конкретных грамматических категориях. Что касается вида, то для нас важно то, как говорящий представляет темпоральную структуру самого действия.

Одним из понятий, признаваемых в контенсивной грамматике, является «имплицитный предел», передающийся семантически не маркированным несовершенным видом [2, с. 398]. Например:

Тут ветер *подымается* и те белые цветы на нас *сыплет*: вот вам и снег [6, с. 9].

Целостность и ограниченность пределом выдвигаются А. В. Бондарко как основные признаки, присущие совершенному виду — семантически маркированной категории [2, с. 361]. Сравним с мнением Н. Д. Арутюновой. Она полагает, что наиболее существенной чертой совершенного вида является целостность, причём конкретных доводов в пользу данного утверждения у неё не представлено. Н. Д. Арутюнова не писала отдельно о видах, у неё имеются скорее рассуждения об основном значении совершенного вида, под которым понимается целостность. Автор трактует целостность как «совмещение начальной и конечной точек, свертывание разделяющей их линии» [1, с. 13]. Отказываться от понятия «предел» как ключевого понятия у глаголов совершенного вида, по-видимому, неправомерно, поскольку вид всё-таки обозначает, как протекает или как распределяется тот или иной процесс во времени, т. е. на линии. В другом фрагменте своей статьи Н. Д. Арутюнова противоречит сама себе, утверждая, что русский совершенный вид выражает «значение предельности или перелома в развитии событий, состоянии или действий» [1, с. 5].

Что такое предел? Пределом называется конец действия, его финишная точка. Как утверждает Н. Д. Арутюнова, «в мире жизни нет пустого времени» [1, с. 5] — соответственно, каждое действие имеет свои начало и завершение. Любое действие может быть предельным, но не каждое действие целостно. Утверждение, что совершенный вид выражает «перелом в развитии событий» [1, с. 5], всё равно возвращает нас к семантике предела, т. е. к концу определённого периода

или состояния и к переходу в новое. Наиболее точным определением «предела» мы считаем ограничение протекания действия во времени.

С. Д. Кацнельсон термин «аспектуальность» не использует. Он убедительно доказал, что нельзя считать целостность существенным признаком совершенного вида — она в полной мере присуща только фазовым глаголам, совмещающим начало, середину и конец. Тем более моментальные и глаголы состояния значения целостности не имеют. А. В. Бондарко считает, что «ограниченность действия пределом смыкается с целостностью в соотношении полноты проявления действия» [2, с. 369]. Нам кажется важным признать признак ограниченности пределом, поскольку он распространяется даже на те действия, которые не связаны с достижением предела.

Когда речь идёт о глаголах движения, то точечная локализация действия и вовсе отходит на второй план, важными становятся именно продолженность и продолжительность, семантика предела, «начала и конца». Зато понятие «целостности» значительно важнее для глаголов мышления, где важен не столько процесс, сколько его результат. Начинательность и окончательность шире понятия совершённости. Как писал С. Д. Кацнельсон, «для целостного и комплексного движения нужна не просто фазовость (то есть начало, продолжение и конец действия), но, что важнее, внутреннее единство, некое продвижение от начала к концу, нарастание действия и некий предел, пусть даже проблематичный, как в конативных глаголах» [4, с. 426]. Точка зрения этого исследователя, выступавшего против теории целостности как основополагающей у глаголов совершенного вида, нам кажется наиболее убедительной.

III

Сравним с суждениями классиков. Ещё А. А. Потебня отмечал, что всё, что продолжается во времени, обладает началом, продолжением и завершением [5, с. 18]. Однако тогда концепция вида с выделением привативности как основной оппозиции не была ведущей. В сознании изначально выделялись способы действия в градуальной оппозиции, поскольку способы действия реальны. Именно они отмечались ведущими русскими лингвистами, хотя те ошибочно приписывали им понятие «вид»: совершенно-начинательный, совершенно-окончательный у А. Х. Востокова и т. д. [5, с. 13].

Примечательными являются и размышления А. А. Потебни о трёх степенях глагола (однократной, многократной неопределённой и многократной дальней); кроме того, он ссылался на рассуждения Г. П. Павского, который классифицировал глаголы по отношению ко времени и к пространству [5, с. 23]. Сам же Потебня вскоре признал их ошибочными, да и для нас они не представляются убедительными, поскольку грамматически некорректно выделять время и пространство отдельно друг от друга. Однако ценность представляют наблюдения не только над тем, когда совершается действие, как оно совершается, но ещё важнее — как оно представляется сознанию. А ментальные характеристики важны для А. А. Потебни.

И сегодня, когда мы выделяем в сознании определённый вид, мы вместе с тем подразумеваем конкретный способ действия в его характеристиках. Заметить это можно только в определённом контексте, потому что основную роль в выявлении способов действия играет семантическое окружение глагола.

А не *слыхивали*, милые, врать не буду, не слыхивали. А тому, правда, многие дивятся: зачем бы зима, когда лето куда слаще. Видно, за грехи наши [6, с. 9].

В глаголе *слыхивали* достаточно заметна «обширность времени, которую захватывает действие» [?, с. ???]. Суффикс *-ыва-/-ива-* передаёт наибольшую абстрактность действия, тем более это реплика героини в ответ на вопрос:

А не *слыхать*, отчего зима бывает и отчего лето? [6, с. 9].

Слыхивать — это тот глагол, который следует отнести к третьей степени — многократной дальней. Она свойственна устной или народно-поэтической речи: говорящим чётче осознаётся дальность действия, этот глагол отражает специфику образного мышления.

Заслуживает внимания также концепция Люсьена Теньера, который представлял действие, обозначаемое видом, в виде точки и линии. Они соотносятся друг с другом в зависимости от того, когда происходит действие. Наиболее близкое действие, соответствующее совершенному виду, называется моментальным, перфективным или аористом. Отрезок времени в виде прямой линии и называется несовершенным видом [3, с. 28].

Поскольку во французском (и любом романском) языке категория вида отсутствует, и средств для выражения перфектива тоже нет, классификацию французского исследователя можно назвать обозначением основных способов глагольного действия: однократный (аорист), начинательный, окончателный и длительный (дуративный вид).

Категорией, объединяющей вид и время, является длительность, которая, как правило, имплицитно выражена в глаголах несовершенного вида. И хотя длительные времена в русском языке теперь отсутствуют (в отличие от английского или испанского языков), но их функцию целиком и полностью взял на себя несовершенный вид, а также специальные типы обстоятельств и другие «внешние» (термин А. В. Бондарко) по отношению к глаголу-сказуемому средства.

IV

То, что длительность — это важная категория контенсивной грамматики, подтверждает сложность изучения категории вида иностранцами, родной язык которых не принадлежит к славянским. Чаще всего для них длительное действие есть незавершённое, и наоборот — законченное действие (перфект) является одновременно целостным или однократным. То есть осознание длительности осуществляется говорящим — носителем русского языка, и далеко не всегда в этом помогает формальная сторона. Например, в английском языке вид выражается временными формами, совмещён со временем.

Длительность относится к одному из древних видовых значений, актуальных в эпоху символического мышления, когда на первый план выходили способы протекания действия. А. В. Бондарко пишет о внутренней детерминации длительности, которая обусловлена как раз способом глагольного действия. Она является основной для ограниченно-длительного и ограничительного способов действия [2, с. 429].

Идешь-идешь, вот уж и городок из глаз скрылся, с полем сладким ветерком *повевает*, все-то хорошо, все-то ладно... [6, с. 9].

Здесь префикс *по-* в данном временном контексте придаёт глаголу признак ограниченности.

Выделяется имплицитная длительность в противовес эксплицитной, когда она подразумевается, вытекает из того или иного значения, но сама по себе явно и специально не выражена [2, с. 434].

Отчего солнце по небу *катится* [6, с. 66].

Здесь налицо временная протяжённость процесса, которая вытекает из семантического значения слова *катится*.

Конечно, функционирование вида и в контенсивной грамматике нуждается в дополнительном исследовании. Выявляются имплицитный предел, категория длительности и имплицитная длительность как такая, которая проявляется исключительно в контексте, хотя в русском языке она формально не выделяется. Вид — уникальная многослойная категория, вбирающая в себя черты человеческого мышления и составляющая специфическую черту русской ментальности. С этой точки зрения вид ещё не описан.

С точки зрения ментальности никакой разницы нет. Вид — прямая перспектива, определяется позицией субъекта. Время — обратная, оно ценно само по себе. Способы действия воплощают собой разные формы вида, это реализация видов. Оппозиции сознания накладываются на предмет свои законы. Способ действия — образное представление концепта «вид».

Образ — способ действия. Понятие — вид. Символ — контекст. В тексте смешиваются образы действия и вид.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Вступление : В целом о целом : Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка : Семантика начала и конца / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2002. С. 3–18.
2. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики : На материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002.
3. Ильченко О. С. Одушевленность — неодушевленность в структуре предложения. СПб. : Нестор-История, 2011.
4. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления : Из научного наследия. М. : Языки славянской культуры, 2001.
5. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. М. : Изд-во АН СССР, 1941.
6. Толстая Т. Н. Кысь. URL: <http://ihavebook.org/reader/reader.php?book=101309> (дата обращения: 25.03.2016).

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ (Русско-славянский цикл)

<i>Батищева Е. С. (СПб.)</i> Авторская позиция в изображении литературной жизни в России в повести М. Горького «Жизнь Клима Самгина».....	3
<i>Милославский И. Г. (Москва)</i> Необходимая и достаточная информация для обеспечения рецептивных и продуктивных действий на русском языке	12
<i>Патрочева Н. В. (Петрозаводск)</i> Фундаментальный исследовательский проект «Синтаксический словарь языка русской поэзии XVIII — первой половины XIX в.»: Некоторые итоги.....	18
<i>Пушкарёва Н. В. (СПб.)</i> Вывески как свернутые тексты в городском пространстве XXI в.	26
<i>Садова Т. С. (СПб.)</i> Народная этимология в русских снотолкованиях: К вопросу об этимологической магии	32
<i>Семёнова С. Ю. (Москва)</i> Слово <i>мировоззрение</i> как представитель подкласса параметрических имен, имеющих валентность на содержание	36
<i>Щеглова Е. А. (СПб.)</i> Морская лексика в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“»	44
<i>Яо Сюе (СПб.)</i> Глаголы интеллектуальной деятельности студентов (на материале романа Н. Г. Гарина-Михайловского «Студенты»)	51

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Ганцовская Н. С., Дмитрук Л. А. (Кострома)</i> Лексико-географические маркёры говоров Костромского акающего острова (на материале «Трудов общества любителей российской словесности»).....	59
<i>Костючук Л. Я. (Псков)</i> К истории нового источника для «Псковского областного словаря с историческими данными» (Записи опочецких говоров 1920–1930-х годов).....	64
<i>Неганова Г. Д. (Кострома)</i> Народные географические термины в парадигме культурного ландшафта	71

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Алексеев А. В. (Москва)</i> Символические значения в истории слов <i>търпѣ-ти</i> и <i>търпѣние</i>	78
<i>Донина Л. Н. (СПб.)</i> О нейтральной и функционально-стилистически окрашенной лексике с позиций концептологии.....	82
<i>Пименова М. В. (Владимир)</i> Концептуальные формы русской ментальности и семантический синкретизм.....	86
<i>Полковский Н. К. (СПб.)</i> Исследование категории вида в контенсивной грамматике.....	91

Научное издание

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ
(Русско-славянский цикл)

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Материалы секций
XLV Международной филологической
конференции

14–21 марта 2016 г., Санкт-Петербург

Оригинал-макет подготовлен *О. В. Косенко*
Подписано в печать 25.04.2016. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 5,81. Тираж 100 экз. Заказ № 015.

Филологический факультет СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб, д. 11.

Отпечатано в Издательстве ВВМ.
198095, С.-Петербург, ул. Швецова, д. 41.